

ОБЩИЙ ЯЗЫК МИРА

КАК МЕЖДУНАРОДНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО
МЕНЯЕТ БУДУЩЕЕ

и
Елена Сумрачная

Елена Сумрачная

**Общий язык мира:
Как международное
сотрудничество меняет будущее**

«Автор»

2026

Сумрачная Е.

Общий язык мира: Как международное сотрудничество меняет будущее / Е. Сумрачная — «Автор», 2026

Лекарства нет в аптеке: поставка задержалась, а причина может быть за тысячи километров. Вспышка болезни, климатический риск, сбой торговли — взаимозависимость быстро превращает локальную проблему в общую. Как действовать вместе, не теряя из виду интересы и справедливость? «Общий язык мира» объясняет, как работают международные правила и институты, почему доверия недостаточно без проверяемых гарантий и как переговоры помогают находить решения при несовпадении интересов. От гуманитарной помощи и торговли до климата и технологий — книга показывает, как распределять ответственность и превращать соглашения в реальные результаты. Для студентов, специалистов, руководителей и всех, кто хочет понимать мировые процессы глубже заголовков. Практичный взгляд на партнёрство — и инструменты, помогающие влиять на общее будущее. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Сумрачная Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Мир взаимозависимости: почему общие проблемы требуют совместных решений	6
История сотрудничества: от первых союзов к глобальным институтам	11
Устройство международной системы: правила, договоры и организации	16
Интересы, сила и доверие: что помогает странам договариваться	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Елена Сумрачная
Общий язык мира: Как международное
сотрудничество меняет будущее

Общий язык мира: Как международное сотрудничество меняет будущее

Елена Сумрачная

Мир взаимозависимости: почему общие проблемы требуют совместных решений

В четверг вечером Ирина зашла в аптеку за лекарством для отца. Он принимает его каждый день, и обычно покупка занимала меньше пяти минут. Но сегодня фармацевт проверила полку, заглянула в компьютер и покачала головой: привычной упаковки пока нет. Поставка задерживается. На складе есть другой препарат, но подойдет ли он отцу, должен решить врач.

Ирина звонит в клинику, затем — брату, который живет в другом районе и обещает проверить тамошние аптеки. Никто из них не знает, что в этот момент похожий разговор происходит в тысячах домов сразу. В нескольких странах растет число заболевших, больницы заказывают больше лекарств, фабрики меняют графики, перевозчики пересматривают маршруты, а правительства пытаются заранее обеспечить своих граждан.

Эта история вымышленная, но цепочка в ней вполне реальна. Представим обычный препарат, который не производится целиком на одной фабрике и в одной стране. Чтобы его упаковка оказалась на аптечной полке, нужны исследования, химическое сырье, действующее вещество, вспомогательные компоненты, оборудование, электричество, упаковочные материалы, транспорт, таможенное оформление и работа аптечной сети. У лекарства может быть один маршрут для сырья, другой — для готового препарата, третий — для коробки и инструкции. Каждый участник видит лишь свой отрезок пути. Покупатель — только последний.

А между тем сбой на раннем этапе может закончиться тем, что в аптеке не окажется нужной упаковки. Не потому, что кто-то принял одно роковое решение, а потому, что десятки решений сцепились друг с другом.

Упаковка с длинной историей

Маршрут конкретного лекарства зависит от его состава, производителя и страны. Но типовую цепочку можно разложить на этапы:

Этап

Участники и ресурсы

Возможная точка сбоя

Исследование и регистрация

Научные центры, производитель, регуляторы, клинические данные

Задержка испытаний, нехватка данных или согласования

Сырьё и компоненты

Поставщики химических веществ, производители действующего вещества и вспомогательных материалов

Ограниченное число поставщиков, перебои с энергией или сырьём

Производство

Завод, специалисты, оборудование, контроль качества

Закрывание предприятия, нехватка работников, сбой оборудования

Упаковка

Поставщики фольги, пластика, бумаги, типографии

Дефицит материалов, задержка заказа, новые требования маркировки

Перевозка и границы

Перевозчики, порты, склады, таможенные службы

Перегруженный порт, нехватка транспорта, экспортные ограничения

Аптека и пациент

Дистрибьюторы, аптеки, врачи, покупатели

Нехватка запасов, рост цены, отсутствие подходящей замены

Таблица показывает не только маршрут предмета. Она обнаруживает людей и правила, которые скрыты за ним. Без надежных данных о запасах дистрибьютор не знает, куда направить следующую партию. Без предсказуемых таможенных процедур груз дольше остается на границе. Без стабильного спроса производитель не всегда может решить, стоит ли расширять выпуск. А если весь запас зависит от одного поставщика, его остановка превращается из локальной неприятности в проблему для многих стран.

Теперь добавим к маршруту вспышку болезни. Спрос на медицинскую продукцию растет почти одновременно в нескольких местах. На фабриках могут не хватать работников; перевозки дорожают или задерживаются; государство, опасаясь дефицита, ограничивает вывоз товара. Внутри страны такая мера иногда дает краткосрочное преимущество. Но если другие страны делают то же самое, возникает ответная гонка: покупатели стремятся заказать больше, чем им сейчас нужно, поставщики получают противоречивые сигналы, а партии перенаправляются туда, где за них готовы платить больше.

Ни одна отдельная мера не обязана вызвать кризис. Но их сочетание способно усилить первоначальный сбой. Система похожа на мост, по которому одновременно пошел поток людей: опасность создаёт не сам мост, а узкое место, внезапный наплыв и отсутствие правил движения.

Во время пандемии COVID-19 этот механизм стал виден особенно ясно. Страны столкнулись с резким спросом на средства индивидуальной защиты, медицинское оборудование и лекарства. Закрытие предприятий и границ влияло на производство и перевозки, а ограничения на экспорт медицинских товаров усиливали неопределенность в международных цепочках. Пандемия не доказала, что торговля сама по себе ненадежна, а национальное производство всегда спасает. Она показала другое: решения об экспортных ограничениях, запасах и обмене данными принимаются не в пустоте — они меняют возможности тех, кто находится дальше по цепочке.

Связаны — но не одинаково зависимы

Для разговора о таких ситуациях важно различать три понятия.

Взаимосвязанность означает, что между людьми, организациями и странами есть каналы влияния. Партия товара, поток данных, цена сырья или инфекция могут пересечь границу и изменить положение тех, кто находится далеко от источника перемен.

Взаимозависимость означает, что участники опираются друг на друга, чтобы удовлетворять потребности или достигать целей. Производителю нужны компоненты и рынки сбыта; аптеке — поставки; пациенту — доступ к лекарству; государству — возможность защищать здоровье населения. Но взаимозависимость не означает равенства. Одна страна может иметь много поставщиков, другая — одного. Крупный покупатель способен потребовать выгодные условия, малый — чаще вынужден их принять. Взаимная связь может быть асимметричной.

Уязвимость — это риск понести ущерб, если связь даст сбой, и ограниченная способность справиться с последствиями. Она зависит не только от масштаба угрозы. Важно, есть ли альтернативный поставщик, запас времени, доступ к информации, деньги на закупку и возможность быстро изменить маршрут или производство.

Поэтому два города могут зависеть от одной и той же цепочки, но быть уязвимыми по-разному. В одном есть резервные запасы и несколько каналов поставки. В другом задержка на неделю уже означает нехватку товара. А у пациента с высоким доходом и возможностью связаться с врачом больше способов отреагировать на сбой, чем у человека, который живет далеко от клиники и не может оплатить более дорогой вариант.

Здесь важно не перепутать взаимозависимость с призывом отказаться от самостоятельности. Государству нужны собственные возможности: запасы, сильная система здравоохранения, подготовленные специалисты, работающая логистика. Но устойчивость — не то же самое, что изоляция. Если страна зависит от единственного внутреннего завода, это не обязательно безопаснее, чем зависимость от зарубежного поставщика. Надежность чаще создают сочетанием нескольких каналов, прозрачной информацией и заранее согласованными правилами на случай кризиса.

Кто действует — и кто платит

Увидев уязвимое место, легко потребовать, чтобы все участники «разделили ответственность». Но это выражение не должно превращаться в удобный способ возложить одинаковую ношу на тех, у кого совершенно разные ресурсы и возможности.

У компании, контролирующей крупное производство, больше возможностей изменить график выпуска, чем у маленькой аптеки. У богатого государства больше денег на закупки и резервы, чем у страны с ограниченным бюджетом. У работников завода может быть меньше влияния, чем у владельцев компании, хотя именно они несут риск при опасных условиях труда. А покупатели нередко платят за сбой повышенной ценой, даже если не принимали решений, которые его приблизили.

Значит, совместное решение не обязано означать одинаковый вклад. Оно должно учитывать, кто контролирует ресурсы, кто может снизить риск, кто сильнее выигрывает от существующего устройства системы и кто пострадает от перемен. Государства могут финансировать доступ к запасам, крупные производители — раскрывать данные о производственных рисках, перевозчики — заранее согласовывать приоритетные маршруты, а регуляторы — обмениваться информацией и сближать процедуры. Обязательства различаются; общая цель — снизить вероятность того, что локальный сбой обернется чужой катастрофой.

Это уже не просто сочувствие и не торжественное заявление. Это практическая координация: кто сообщает о нехватке, кому, в какой срок; какие запасы считаются критическими; как распределяется ограниченная партия; кто оплачивает дополнительные мощности; когда и по каким правилам снимаются чрезвычайные ограничения. Чем яснее договоренности до кризиса, тем меньше необходимость импровизировать в его разгар.

Как составить карту взаимосвязей

Карту одной проблемы можно начать с простого вопроса: **какой результат должен оставаться доступным для людей, даже если цепочка даст сбой?** В случае лекарства это не обязательно «доставить конкретную коробку тем же маршрутом». Более содержательная цель — обеспечить непрерывность безопасного лечения, в том числе предусмотренные врачом варианты.

Дальше полезно пройти шесть шагов.

1. Назовите общую угрозу и желаемый результат. Не «все стало хуже», а конкретно: поставки определенной группы лекарств могут задержаться из-за вспышки болезни и перебоев перевозок. Желаемый результат — больницы и пациенты не теряют доступ к медицински необходимым препаратам. Четкая формулировка помогает не спутать средство с целью.

2. Перечислите участников. Включите не только правительства и большие компании, но и врачей, аптечные сети, работников производства, перевозчиков, регуляторов, пациентов и поставщиков сырья. Отдельно отметьте тех, кто располагает важной информацией, но

редко участвует в решениях: например, работников на производстве или местные медицинские службы.

3. Проследите путь предмета и ресурсов. Запишите, где находятся действующее вещество, упаковка, транспорт, данные, деньги и специалисты. Для каждого этапа спросите: кто принимает решение, кто поставляет ресурс, кто подтверждает качество, через какие границы проходит поток. Карта не обязана быть красивой. Ее задача — показать то, чего раньше не замечали.

4. Найдите узкие места и оцените уязвимость. Есть ли единственный поставщик? Можно ли временно переключиться на другого? Сколько времени это займёт? Какой этап зависит от одной границы, порта, лицензии или категории специалистов? Кто может позволить себе задержку, а для кого она опасна? Здесь важно различать вероятность сбоя и его последствия: редко происходящее событие может иметь очень высокую цену.

5. Договоритесь о взаимных действиях и справедливом распределении затрат. Одни участники могут поддержать резервы, другие — предоставить данные, третьи — согласовать альтернативные производственные площадки или ускоренный обмен разрешениями. Заранее определите, кто финансирует дополнительные меры и как будут распределяться ограниченные запасы. Распределение должно учитывать потребность и способность справиться с дефицитом, а не только то, кто быстрее выставил счет.

6. Проверяйте, работает ли договоренность. Согласованный план нуждается в понятных сигналах тревоги, регулярном обмене информацией и проверке альтернатив. В запасе должны быть не только товары, но и ясные правила: кто объявляет о критическом дефиците, кто созывает участников и как корректируются решения, если первоначальный план не сработал.

Этот подход подходит не только к лекарствам. Его можно применить к продовольствию, электроэнергии, цифровой безопасности или реагированию на стихийное бедствие. Но в каждом случае следует уточнять, что именно перемещается по сети: физический товар, информация, деньги, технологии, люди — или сразу несколько потоков.

Упражнение: проследите путь одной вещи

Выберите предмет, которым пользуетесь регулярно: банку детского питания, смартфон, пакет кофе, батарейку. Не пытайтесь сразу описать весь мир. Возьмите один товар и выделите на карте пять точек: откуда берутся сырьё и компоненты; где предмет собирают или производят; через какие границы и посредников он проходит; где возникает самое узкое место; кто первым замечает последствия задержки.

Затем добавьте к карте три вопроса:

- Кто выигрывает от того, как устроена цепочка сейчас?
- Кто несёт финансовые, трудовые или экологические риски?
- Кто отсутствует за столом, хотя его решения или благополучие зависят от этой цепочки?

Последний вопрос часто меняет всю картину. Например, обсуждение цены продукции выглядит иначе, если увидеть работников, которые добывают сырьё, или семьи, для которых подорожание товара означает отказ от необходимой покупки. Сеть связей становится полной не тогда, когда на карте появились все стрелки, а когда в ней появились те, чьи интересы прежде считались второстепенными.

На следующий день после визита в аптеку Ирина снова звонит врачу. Тот помогает разобраться, какой вариант допустим для отца, а аптечная сеть проверяет наличие лекарства в других точках. Это не решает проблему глобальных поставок. Но история напоминает: между фабрикой за тысячи километров и человеком у аптечного прилавка нет пустоты. Там — цепочка решений, договорённостей и возможностей помочь или помешать.

Мы связаны не потому, что все одинаковы, а потому, что действия одних меняют условия жизни других. Эта связь делает мир уязвимым — и одновременно даёт инструменты для

ответа: общий мониторинг, разные источники поставок, запасы, обмен данными и правила справедливого распределения. Чтобы действовать эффективно, недостаточно закрыть ближайший дефицит. Нужно увидеть всю сеть, понять, где она держится на одном слабом звене, и договориться, кто и что сделает, если это звено не выдержит. Ни одну такую эстафету не бежит в одиночку.

История сотрудничества: от первых союзов к глобальным институтам

Представьте обычную открытку. Вы опускаете её в почтовый ящик в одном конце света, и она добирается до адресата в другом. На её пути меняются языки, валюты, перевозчики и государственные границы. Но письмо не приходится заново изобретать на каждом этапе: страны договорились о правилах пересылки, расчётах и обмене корреспонденцией. За этим привычным маршрутом стоит длинная память соглашений.

Международное сотрудничество часто кажется чем-то вечным — словно организации всегда существовали и однажды просто получили названия и штаб-квартиры. Или, наоборот, будто они возникли из ниоткуда после очередной большой войны. Но за каждым институтом стоит конкретный момент, когда несогласованность стала слишком дорогой: война истощила противников, торговля запуталась в границах, новая технология связала города быстрее, чем успевали договариваться их правители.

История сотрудничества — не прямая дорога от хаоса к порядку. Это череда попыток, удачных и провальных, снова и снова отвечающих на один вопрос: как действовать вместе, не перестав быть разными?

Договор, который не отменил соперничества

Около 1259 года до нашей эры египетский фараон Рамсес II и хеттский царь Хаттусили III заключили мирный договор. Он появился после долгого противостояния, в том числе знаменитой битвы при Кадеше, исход которой не принёс ни одной стороне решающей победы. Договор обычно считают одним из древнейших сохранившихся международных соглашений.

Его текст известен в египетской и хеттской версиях. Стороны обещали не нападать друг на друга, помогать в случае угрозы и выдавать беглецов. Важна не только формула мира, но и то, как она устроена: бывшим противникам предлагалось не верить друг другу на слово, а закрепить взаимные обязательства в повторяемых, проверяемых правилах.

Этот договор не создал дружбы между народами и не положил конец всем конфликтам. Он решал более узкую задачу: снизить риск нового столкновения между двумя сильными державами и сделать нарушение обещания заметным политическим поступком. Это принципиальное различие. Международное соглашение не обязательно устраняет причину вражды. Иногда оно лишь делает следующий шаг менее опасным.

Паспорт этого договора начинается с проблемы: затяжной конфликт и отсутствие победителя, способного навязать устойчивый порядок. Участники — два царских двора. Правила — взаимный отказ от нападения, помощь и выдача беглецов. За пределами переговоров остались обычные люди, подвластные общины и те, чьи интересы представляли правители, не спрашивая их согласия. Результат — оформленное обязательство, но не всеобщий мир. Измениться такой механизм мог, если менялись правители, силы сторон или сама угроза.

Уже здесь видна важная особенность институтов: они не появляются в мире равных возможностей. Их создают конкретные участники, которым нужно справиться с конкретным риском. И правила отражают не только идею справедливости, но и соотношение сил.

Союз: защита от внешней угрозы — и власть внутри

В V веке до нашей эры греческие города объединились в Делосский союз, чтобы продолжать сопротивление Персидской державе. Одни участники предоставляли корабли, другие — денежные взносы. Общая цель была ясной: совместная оборона требовала ресурсов и распределения обязанностей.

Но затем изменилось соотношение сил. Афины стали ведущей участницей союза, казна была перенесена с острова Делос в Афины, а вклад союзников всё чаще принимал форму

денежных выплат. Когда некоторые города пытались выйти из объединения, Афины применяли силу. Союз, созданный для защиты от внешней угрозы, всё больше превращался в инструмент афинского влияния.

Это не означает, что первоначальная идея была обманом с самого начала. Скорее, история показывает, как механизм может изменить смысл, когда один участник получает возможность определять правила и карать несогласных. Общая безопасность не гарантирует равного распределения власти. Если одни несут расходы, а другие решают, как их использовать, доверие постепенно истончается.

Похожую практическую логику — но без единого военного руководителя — можно увидеть в истории Ганзейского союза. В XIII–XVII веках торговые города Северной Европы поддерживали сеть соглашений, защищали торговые интересы и добивались привилегий для купцов в зарубежных портах. У союза не было центрального государства или единого постоянного правительства. Его устойчивость зависела от договорённостей между городами и от выгоды, которую они получали от совместных действий.

Ганза помогала снизить риски торговли на больших расстояниях, где отдельный купец был уязвим перед пиратством, произвольными сборами и местными правилами. Но это не была система для всех. В принятии решений преобладали городские власти и состоятельные мужчины-купцы; множество жителей торговых городов не участвовали в определении общих правил. Защита коммерции могла быть эффективной для членов сети и одновременно исключать тех, кто не имел доступа к её преимуществам.

Так обнаруживается повторяющийся вопрос, который важно задавать о любом союзе: не только «что он обеспечивает?», но и «для кого именно?».

Мир не рождается в один день

В 1648 году договоры, подписанные в Мюнстере и Оснабрюке, помогли завершить Тридцатилетнюю войну в Европе. Их часто изображают как момент рождения современной системы суверенных государств. Но история сложнее этой удобной формулы: государства и дипломатические практики существовали и раньше, а Вестфальский мир не превратил Европу мгновенно в мир равных суверенов.

Он стал сложным компромиссом, который урегулировал религиозные и политические споры, признал ряд изменений в европейском порядке и распределил права между множеством участников. Его значение не в том, что он создал окончательный рецепт мира, а в том, что показал масштаб переговорной работы, необходимой после разрушительного конфликта. Договор был не счастливым концом истории, а способом остановить конкретную войну и зафиксировать новые условия.

Спустя полтора века, после наполеоновских войн, европейские державы снова попытались удержать равновесие. На Венском конгрессе 1814–1815 годов центральную роль играли Австрия, Великобритания, Россия, Пруссия, а позднее и Франция. Конгресс и последующие консультации великих держав помогали согласовывать границы и предотвращать новые крупные столкновения между ними.

Однако «мир держав» не означал мир для всех. Решения принимались прежде всего монархами и дипломатами; голоса народов, стремившихся к независимости или политическому представительству, почти не учитывались. В Европе после 1815 года великие державы несколько десятилетий избегали общей войны между собой, хотя восстания, отдельные войны и колониальное насилие никуда не исчезли. Само равновесие тоже оказалось непрочным: менялись интересы государств, крепились национальные движения, и старые договорённости переставали отвечать новой реальности.

Урок Венского конгресса — не в том, что сильным державам достаточно сесть за один стол. Важно ещё, кого они считают полноправным участником, какие интересы готовы признавать и что происходит, когда решения, принятые наверху, не находят поддержки внизу.

Когда сотрудничество становится технической необходимостью

В XIX веке телеграф изменил скорость обмена сообщениями. Весть, которая прежде могла идти неделями, стала пересекать большие расстояния гораздо быстрее. Но новая технология создала и новую задачу: как соединять сети разных стран, если у них несовпадающие технические стандарты и правила?

В 1865 году была основана Международная телеграфная организация, позднее ставшая Международным союзом электросвязи. В 1874 году государства договорились о создании Всемирного почтового союза, первоначально называвшегося Генеральным почтовым союзом. Эти институты решали задачи, которые не привлекали такого внимания, как мирные договоры: согласование технических процедур, маршрутов и расчётов. Их работа была не менее международной оттого, что редко попадала в хроники сражений.

Почтовый союз не отменил границы и не сделал все почтовые службы одинаковыми. Он помог создать общие условия, при которых пересылка между странами стала проще и предсказуемее. Именно так часто выглядит работающий институт: не торжественный зал, где однажды подписали великий документ, а постоянное обслуживание общей системы.

Технологии не автоматически объединяют людей. Они увеличивают взаимозависимость — и тем самым делают цену несогласованности выше. Телеграф без совместимых правил был бы сетью, в которой сообщения обрываются на границе. Сегодня ту же логику можно увидеть в авиации, морских перевозках, цифровой связи и обмене научными данными.

Лига, которая не удержала мир

После Первой мировой войны цена несогласованности стала чудовищно наглядной. Миллионы погибших, разрушенные экономики и страх перед новой войной подтолкнули государства к созданию Лиги Наций. Это была попытка перейти от разовых конгрессов к постоянной организации, где конфликты можно обсуждать до того, как они станут военными столкновениями.

Лига развивала международное сотрудничество в сфере здравоохранения, труда, беженцев и других вопросов. Но её устройство отражало ограничения времени. Соединённые Штаты не вступили в организацию, несмотря на роль президента Вудро Вильсона в продвижении идеи. Принцип единогласия затруднял принятие решений, а у Лиги не было средств, сопоставимых с силой государств, которые она должна была удерживать от агрессии. Некоторые важные страны входили в неё непостоянно; Германия и Япония вышли, СССР был исключён в 1939 году.

Когда Япония захватила Маньчжурию, а затем Италия вторглась в Эфиопию, Лига не смогла обеспечить эффективный ответ. Это не значит, что она была бесполезна во всём или что её провал неизбежно следовал из самой идеи международной организации. Скорее, между задачей и предоставленными полномочиями возник разрыв: от института ожидали защиты мира, но государства не были готовы передать ему достаточно возможностей и, особенно в кризисе, подчиняться общим решениям.

После Второй мировой войны создатели Организации Объединённых Наций пытались учесть этот опыт, не отказываясь от роли великих держав. В ООН, учреждённую в 1945 году, вошло 51 государство-учредитель; сегодня в ней 193 государства-члена. Генеральная Ассамблея даёт каждой стране голос, а Совет Безопасности получил особые полномочия по поддержанию мира. Пять постоянных членов Совета обладают правом вето.

Это не равенство, а политический компромисс: державам дали особое положение, рассчитывая, что без их участия система безопасности не будет работать. Компромисс помогает удерживать крупных игроков внутри организации, но может блокировать решения, когда интересы постоянных членов сталкиваются. И здесь институт не «исправил» соотношение сил, а встроил его в свои правила.

После войны развивались и другие международные механизмы. Международный валютный фонд и Всемирный банк выросли из решений Бреттон-Вудской конференции 1944 года;

Генеральное соглашение по тарифам и торговле, заключённое в 1947 году, стало предшественником Всемирной торговой организации. Их создавали для других задач — финансовой устойчивости и торговых правил, — но логика была сходной: тесно связанные экономики нуждаются в предсказуемых договорённостях.

Паспорт института: инструмент для читателя

Чтобы не воспринимать международные организации как готовые и неизменные конструкции, попробуйте составлять для них короткий «паспорт». Это способ перейти от вопроса «хороший ли это институт?» к более полезным вопросам: какую проблему он решает, чьи интересы в нём представлены и почему его правила устроены именно так?

Поле паспорта

Что спросить

Проблема

Какой риск, кризис или практическое препятствие подтолкнули участников к сотрудничеству?

Участники

Кто участвовал в создании механизма и кто принимает решения сейчас?

Правила

Какие обязательства, процедуры и способы контроля предусмотрены?

Исключённые голоса

Чьи интересы учитываются слабее или не представлены? Почему?

Результаты

Что стало возможным благодаря институту, а чего он обеспечить не смог?

Причины перемен

Что изменилось в технологиях, балансе сил или самой проблеме, что потребовало пересмотра правил?

Заполните такой паспорт для Парижского соглашения по климату 2015 года. Проблема — изменение климата, последствия которого не останавливаются на границах. Участники — государства, согласившиеся работать в общей системе климатических обязательств; роль учёных, общественных организаций, бизнеса и городов важна, но решения по договору принимают государства. Правила требуют от стран представлять и обновлять национально определяемые вклады, отчитываться о действиях и регулярно оценивать общий прогресс. При этом соглашение не даёт международному органу простого способа заставить каждую страну выполнить все заявленные показатели сокращения выбросов.

В устройстве соглашения признаются вопросы справедливости и различия возможностей государств, однако разрыв между уязвимостью стран, их ресурсами и вкладом в проблему остаётся предметом споров. В этом видны одновременно достижения и ограничения: страны получили общий процесс и язык, позволяющий сравнивать действия, но сам факт существования правил ещё не гарантирует достаточного результата.

Это упражнение полезно не только для договоров. Его можно применить к бассейну общей реки, международным правилам цифровой безопасности или совместной борьбе с эпидемиями. Исследования коллективных действий, в том числе работы Элинор Остром об

управлении общими ресурсами, показывают важность понятных правил, наблюдения за их исполнением и возможности пересматривать договорённости. Но опыт местных сообществ не переносится на мировую политику как готовый чертёж: в глобальных вопросах гораздо больше участников, неравенства и конкурирующих интересов. Поэтому паспорт — не формула успеха, а способ увидеть, где именно находится трудность.

Память — не гарантия

Международные договоры хранят память обещаний: кто на что согласился, какие процедуры признал и в каких условиях готов вернуться к переговорам. Но сама память не предотвращает войну, не устраняет неравенство и не делает обязательства справедливыми. Для этого нужны политическая воля, доверие, ресурсы и правила, которые участники считают достаточно легитимными, чтобы продолжать им следовать.

От древнего соглашения египетского и хеттского правителей до организаций, связывающих почтовые сети, финансовые системы и климатические переговоры, повторяется один и тот же сюжет. Сначала возникает проблема, которую нельзя решить в одиночку. Затем участники договариваются о правилах. Потом меняются технологии, силы и интересы — и правила приходится проверять на прочность.

Поэтому исторический вопрос звучит не только так: «Какой институт создали тогда?» Не менее важно спросить: «Что изменилось с тех пор, кого прежние правила оставили за дверью и что можно пересмотреть сегодня?» Международные институты — не памятники прошлому и не механизм, который работает сам собой. Это человеческие договорённости, созданные для определённого времени. Понимание их происхождения помогает увидеть: настоящее сотрудничество начинается не с веры в идеальный порядок, а с точного понимания проблемы и готовности менять правила, когда прежние перестают служить общему делу.

Устройство международной системы: правила, договоры и организации

В шесть сорок утра рыбак на реке Серая заметил, что вода у берега стала мутно-жёлтой. К полудню закрыли местный рынок: в улове нашли загрязняющее вещество, которое могло попасть в реку выше по течению, уже за государственной границей. Вечером министры двух соседних стран выступили перед камерами. Один сказал: «Мы договорились действовать». Другой пообещал «принять все необходимые меры».

Но что именно произошло? Появилось новое правило — или только удачная формулировка для вечерних новостей? Кто теперь обязан действовать? Кто проверит результат? И что случится, если загрязнение продолжится?

Чтобы ответить, мало прочесть заголовок соглашения. Нужно проследить весь путь правила: от первой тревоги до его применения на берегу реки.

Мир без единого диспетчера

Международная система устроена не как государство с парламентом, правительством и полицией. В ней нет единого мирового органа, который мог бы по собственной воле установить правило для всех стран, выписать штраф нарушителю и принудить его к исполнению. Государства остаются самостоятельными участниками: они договариваются, создают организации, принимают обязательства — и сами же решают, присоединяться ли к многим из них.

Это не означает, что в международной жизни «нет правил». Скорее, правила здесь распределены между разными слоями. Одни закреплены в договорах, другие выросли из устойчивой практики государств, третьи сформулированы в политических заявлениях или решениях международных органов. За ними стоят различные процедуры контроля и разные последствия нарушения.

Полезно сразу развести четыре понятия.

Норма — правило поведения, например: «государства должны предупреждать соседей о серьёзном загрязнении трансграничной реки».

Обязательство — обязанность, которую определённый участник принял на себя. Если страна подписала договор и он вступил для неё в силу, она может быть юридически обязана выполнять его условия.

Институт — созданная для совместной работы структура: организация, комиссия, комитет или секретариат. Институт помогает применять правила, но не становится автоматически «мировым правительством».

Механизм контроля — способ выяснить, выполняются ли обещанные действия: отчётность, инспекции, измерения, экспертная проверка или процедура рассмотрения жалоб.

Эти вещи могут сочетаться, но не обязаны. Сильная норма без проверки способна остаться красивым абзацем. Регулярный мониторинг без ясных обязанностей может собирать данные, не меняя поведения. А мощная организация не вправе действовать за пределами полномочий, которые ей передали государства.

Как тревога превращается в соглашение

Вернёмся к реке Серой. Названия стран вымышлены, но задача вполне реальна: загрязнители не останавливаются у пограничного столба, а водная система связывает населённые пункты, промышленность, сельское хозяйство и экосистемы.

Путь от тревоги до международного правила обычно состоит из нескольких этапов. В разных случаях они могут выглядеть иначе, но логика процесса узнаваема.

Этап

Что происходит

Зачем это нужно

Выявление проблемы

Страны собирают данные о загрязнении и его источниках

Отличить подтверждённый риск от предположения и определить масштаб вреда

Выбор площадки

Правительства решают, где вести переговоры: напрямую, в комиссии бассейна или при международной организации

Создать процедуру, в которой стороны смогут встретиться и согласовать повестку

Переговоры

Обсуждаются цель, участники, обязанности, сроки, контроль и исключения

Превратить общую тревогу в конкретные правила

Оформление текста

Согласованный документ принимают и открывают для подписания

Зафиксировать содержание договорённости

Вступление в силу

Государства выполняют необходимые внутренние и международные процедуры

Определить, когда и для кого обязательства становятся действующими

Исполнение и проверка

Страны меняют законы и практику, а предусмотренные органы отслеживают результаты

Связать международное правило с реальными действиями

Рассмотрение проблем

Участники используют консультации, комиссии, арбитраж или суд — если такие возможности предусмотрены

Разобраться с разногласиями и возможным неисполнением

Первый шаг — понять, **что именно происходит**. Государства могут совместно брать пробы, обмениваться данными о сбросах и привлекать независимых учёных. Если одна сторона опирается только на измерения у своей границы, а другая — на показатели у заводской трубы, спор о выводах может возникнуть раньше, чем спор о решениях. Общие методы измерения поэтому важны не меньше, чем общие цели: стороны должны договориться, что считать загрязнением и как его фиксировать.

Затем нужно выбрать площадку переговоров. Соседи могут создать совместную речную комиссию, договориться напрямую или обратиться к уже существующей международной организации. Организация способна предоставить экспертов, помещения, секретариат и устойчивую процедуру. Но она не «принимает решение за страны», если государства не наделили её такими полномочиями.

Здесь особенно легко перепутать **организацию и её членов**. У международной организации есть органы, сотрудники и мандат, закреплённый в учредительном документе. Её государства-члены принимают решения по правилам этой организации и в пределах предоставленных ей полномочий. Секретариат может подготовить доклад, организовать встречу или

напомнить о сроке отчётности. Это не означает, что он вправе отправить инспекторов на завод без согласия государства или самостоятельно изменить национальный закон.

Некоторые организации и органы могут принимать обязательные решения в определённых областях, если такое право им передано. В других случаях они вырабатывают рекомендации или помогают согласовать общую позицию. Ответ всегда зависит от конкретного учредительного документа и полномочий конкретного органа.

Договор, заявление и резолюция — не одно и то же

Представим, что министры стран Вейра и Нордана встречаются и объявляют: «Мы намерены сократить сброс загрязняющих веществ в реку». Это может быть важным политическим сигналом. Но политическое обещание само по себе обычно не равнозначно юридическому обязательству.

Политическое обязательство выражает намерение и создаёт ожидания. Оно может влиять на репутацию, дипломатические отношения и внутреннюю политику, даже если нарушение не ведёт прямо к судебному разбирательству.

Договор — соглашение между участниками международного права, которое регулируется международным правом. Название не решает вопроса: документ может называться конвенцией, протоколом или соглашением. Важны его содержание, намерение сторон создать юридические обязательства и предусмотренная процедура вступления в силу.

Есть и **мягкое право** — декларации, руководящие принципы, рекомендации и другие документы, которые сами по себе, как правило, не устанавливают договорной обязанности. Они всё равно могут иметь значение: подсказывать, как толковать существующее обязательство, помогать формировать общую практику или готовить будущий договор. «Мягкое» не означает «бесполезное», но читателю важно не принимать рекомендацию за обязательный приказ.

Резолюция тоже не всегда означает одно и то же. Одни резолюции международных органов носят рекомендательный характер, другие могут иметь обязательную силу в пределах полномочий, предусмотренных учредительным документом организации. Поэтому вопрос не в том, звучит ли формулировка строго, а в том, кто принял решение, на каком основании и к кому оно обращено.

Для стран Вейры и Нордана условная фраза «мы будем бороться с загрязнением» ещё не отвечает на главный вопрос: кто и что должен сделать? Более точное договорное обязательство могло бы, например, требовать от каждой страны установить предельные уровни сбросов, уведомлять соседа об авариях и ежегодно публиковать результаты измерений.

Даже после согласования текста обязательство не всегда начинает действовать немедленно. Государства могут подписать договор, а затем пройти предусмотренную у себя процедуру утверждения или ратификации. **Подписание** подтверждает, что текст согласован или что государство намерено следовать установленному процессу, но само по себе не всегда делает все положения договора обязательными. **Ратификация** — официальное подтверждение согласия государства быть связанным договором; для этого часто требуется одобрение национальных органов. В конкретном документе могут быть иные правила вступления в силу.

Обычно договор начинает действовать для государства после выполнения определённых условий: например, после сдачи документа о ратификации и наступления установленной даты. Значит, важно выяснить не только кто подписал соглашение, но и кто действительно стал его участником.

Что именно обещают стороны

Когда текст договора уже перед глазами, полезно искать не торжественные слова, а рабочие глаголы. Обязан ли участник **сократить, запретить, представлять отчёты, уведомлять, обсуждать** или лишь **стремиться** к определённому результату?

Международные обязательства различаются по строгости и устройству.

Обязанность достичь результата требует прийти к определённому итогу: например, снизить сброс вещества на установленный уровень к конкретной дате.

Обязанность действовать с должной заботливостью требует принять разумные меры с учётом риска и доступных средств. Она не всегда означает гарантию, что проблема исчезнет, но и не сводится к свободному выбору «делать что угодно».

Процедурное обязательство требует соблюдать порядок: уведомить соседа о крупном проекте, обменяться данными, провести консультации или представить отчёт.

Фраза «принимать необходимые меры» может звучать решительно, но многое зависит от того, определены ли сами меры, сроки, показатели и способ проверки. Чем больше в тексте неопределённости, тем сложнее отличить добросовестное выполнение от символического.

Не менее важно установить, **кто входит в соглашение**. Обязательство может связывать только государства, которые присоединились к договору. Если страна выше по течению не стала его участницей, соседям придётся искать другой правовой или дипломатический путь взаимодействия. В тексте могут также появиться оговорки — заявления, которыми государство пытается исключить или изменить действие некоторых положений для себя. Возможность таких оговорок зависит от самого договора и общих правил права.

Наконец, читайте сроки и исключения. Как быстро нужно сообщить об аварии? Какие вещества охватывает соглашение? Что происходит при засухе или чрезвычайной ситуации? Допускается ли временное отступление от правила и кто должен его обосновать? Исключения — не обязательно лазейка; иногда они нужны, чтобы договор работал в реальных условиях. Но если исключение сформулировано слишком широко, оно способно поглотить основное правило.

Как проверяют исполнение

Допустим, договор вступил в силу. Теперь правительствам стран Вейры и Нордана нужно превратить международное обязательство в практику: изменить стандарты для предприятий, назначить ответственные ведомства, выделить средства на очистные сооружения и наладить измерения. Международный договор не всегда автоматически переписывает внутреннее законодательство. Способ его применения зависит от национальной правовой системы и от того, какие меры требуются для выполнения конкретного обязательства.

Далее начинается проверка. Она может включать ежегодные отчёты, совместные станции наблюдения, анализ проб, публикацию данных и экспертную оценку. Хороший механизм не просто задаёт вопрос «всё ли у вас в порядке?», но и предлагает способ проверить ответ. Например, если страны сравнивают показатели загрязнения, им полезно заранее договориться о местах отбора проб, времени измерений и лабораторных методах.

Проверка не обязательно означает наказание. Многие договоры предусматривают **механизмы содействия соблюдению**: комитет рассматривает трудности, помогает определить план исправления и устанавливает срок для повторного отчёта. Такой подход особенно полезен, когда проблема связана не с намеренным отказом выполнять правила, а с нехваткой средств, технических возможностей или компетенций.

Существуют и более жёсткие способы реагирования, но универсальной «международной полиции» нет. В одних соглашениях могут быть предусмотрены последствия за нарушение; в других главным инструментом становятся переговоры, дипломатическое давление и публичность. Международные суды и арбитражи рассматривают споры, когда есть правовое основание и согласие участников на соответствующую процедуру. Сам факт существования суда не означает, что любое государство можно автоматически туда вызвать по любому вопросу.

На исполнение влияют и меры, которые редко выглядят как принуждение, но могут быть весьма действенными: взаимность, репутация, давление общественности, требования торговых партнёров, доступ к финансированию или сотрудничеству. Если страна регулярно скрывает данные, соседи могут перестать доверять и другим её обязательствам. Если же прозрач-

ность помогает привлечь инвестиции в очистные технологии, соблюдение правил становится выгоднее.

Поэтому полезно различать три вопроса:

1. Существует ли обязательство? Это вопрос о юридическом статусе нормы и участии государства.

2. Соблюдается ли оно? Это вопрос о действиях и результатах.

3. Работает ли оно? Это вопрос о том, приводит ли правило к ожидаемому изменению.

Договор может быть обязательным, но плохо выполняться. Он может соблюдаться по процедуре, но не давать заметного экологического результата. И наоборот: страны способны совместно решить проблему на практике даже при отсутствии строгого судебного механизма. Правовой текст — лишь часть истории.

Контрольный список читателя

Возьмите любое международное соглашение и задайте восемь вопросов. Не обязательно сразу читать документ от первой страницы до последней: сначала найдите название, вступительную часть, статьи о сторонах, исполнении, спорах и вступлении в силу.

1. Цель. Какую проблему документ намерен решить? Сформулирована ли она конкретно?

2. Участники. Кто обязан выполнять соглашение? Все ли заинтересованные государства присоединились?

3. Обязанности. Что именно должны делать участники? Речь о результате, действиях, отчётности или намерении?

4. Сроки. Когда обязательства начинают действовать и какие даты назначены для промежуточных шагов?

5. Контроль. Кто собирает данные, как проверяются отчёты и могут ли использоваться независимые источники?

6. Исключения. Какие обстоятельства позволяют отступить от правила и кто оценивает правомерность такого шага?

7. Последствия неисполнения. Предусмотрены ли план исправления, консультации, публичный доклад, ограничения или иные меры?

8. Разрешение споров. Как стороны должны действовать при разногласиях: вести переговоры, обращаться в комиссию, арбитраж или суд?

Если в документе названа большая цель, но не обозначены участники и процедуры, перед вами может быть важный политический ориентир, но не обязательно рабочий механизм. Если подробно описаны отчёты, но неясно, что участники обязаны изменить, проверка рискует превратиться в накопление бумаг. Если предусмотрены строгие обязанности, но нет ни сроков, ни ресурсов, ни реалистичного пути исполнения, разрыв между текстом и практикой может оказаться слишком велик.

Попробуйте упражнение на десять минут. Найдите соглашение по интересующей вас теме — например, климату, морскому загрязнению или защите культурного наследия — и заполните короткую таблицу:

Вопрос

Ваш ответ

Какую проблему решает соглашение?

Кто стал его участником?

Какое действие должно совершить государство?

Когда это нужно сделать?

Кто проверяет выполнение?

Что происходит при нарушении или трудностях?

Если на два-три вопроса ответа нет, это не означает, что соглашение бесполезно. Это означает, что вы нашли места, где его эффективность зависит от дополнительных решений, национальной политики или будущих переговоров.

Международная система не похожа на машину с одним главным выключателем. Скорее, это сложная сеть правил и процедур, в которой государства договариваются, организации помогают им действовать, а контрольные механизмы показывают, совпадает ли обещанное с происходящим. Чтобы понять силу международного правила, смотрите не только на его формулировки. Уточните, кто его принял, кто связан им юридически, что именно должен сделать каждый участник, как проверяется исполнение и какие последствия возможны при нарушении.

Тогда за словами «страны договорились» проступает весь механизм — и становится видно, где он действительно способен изменить жизнь у реки.

Интересы, сила и доверие: что помогает странам договариваться

В 2:17 ночи на экране погасла река.

Не сама река — только изображение на большом мониторе в переговорной. Электричество мигнуло, и синяя линия, пересекавшая три границы, исчезла. Несколько секунд представители Верхории, Срединной Республики и Нижней Дельты сидели в темноте, освещённые лишь экранами телефонов. Потом свет вернулся. Линия появилась снова, но договорённость — нет.

Уже девять часов стороны обсуждали, как пользоваться рекой Лиан. Верхория, где река начиналась, строила плотину и водохранилище: ей требовались электричество, защита от сезонных паводков и запас воды на засушливые годы. Срединная Республика зависела от Лиана для орошения полей и работы нескольких электростанций. В Нижней Дельте от количества и времени речного стока зависели рыболовство, питьевая вода и жизнь заболоченных земель.

Публичные заявления звучали обнадеживающе. Все три делегации говорили о сотрудничестве, справедливом использовании воды и необходимости найти решение. Но за столом каждый упирался в одно и то же.

— Мы не можем подписать обязательство о фиксированных объёмах, — сказала глава делегации Верхории. — Река проходит по нашей территории, а климатические условия меняются.

— Без гарантированного минимума наши фермеры не смогут планировать посевную, — ответил представитель Срединной Республики.

— Нам нужен график сбросов, а не заверения, — сказала глава делегации Нижней Дельты. — Если вода придёт после нереста, её будет достаточно для отчёта, но не для рыбы.

Все хотели договориться. Никто не хотел первым принять риск. Тупик возник не потому, что слова «сотрудничество» и «справедливость» были пустыми. А потому, что за одним и тем же словом каждый видел свою угрозу.

Позиция — не то же самое, что интерес

В переговорах позиция — это то, чего сторона требует вслух: «не менее такого-то объёма», «никаких обязательных квот», «ежемесячный график сбросов». Интерес — причина, по которой это требование возникло: безопасность водоснабжения, предсказуемость для фермеров, защита от наводнений, сохранение рабочих мест или возможность не выглядеть слабым перед избирателями.

Позиции чаще конфликтуют. Интересы иногда можно согласовать.

Верхории была нужна не власть над соседями, а уверенность, что водохранилище не превратится в заложника чужих требований. После двух лет засухи правительство обещало обеспечить надёжное электроснабжение. Если оно подпишет правило, которое при любом дефиците требует открыть затворы, его обвинят в том, что оно пожертвовало энергетической безопасностью страны.

Срединной Республике были нужны не абстрактные кубометры сами по себе, а вода в короткие периоды, когда она критически важна для посевов. Её правительство тоже имело внутреннее ограничение: оно не могло объяснить фермерам, что договорённость обнадеживающая, зато объём воды каждый сезон будет определяться без их участия.

Нижняя Дельта требовала предсказуемого графика, потому что её хозяйства и экосистемы зависят от времени поступления воды. Но для неё были важны не только объёмы: резкий сброс в один сезон не обязательно компенсирует длительное маловодье в другой. При этом

власти Дельты не хотели выглядеть так, будто отдали право на речную безопасность в обмен на обещания наблюдать за датчиками.

Разговор сдвинулся лишь тогда, когда один из технических советников задал простой вопрос: «Если убрать формулировку, за которую вы сейчас спорите, какой ущерб вы не можете позволить себе принять?»

Это не магическая фраза. Она может вызвать раздражение, особенно если прозвучит как попытка заставить участника раскрыть слабость. Но вопрос направляет внимание от требования к причине. А причина — уже материал для проектирования решения.

Сила — это не только превосходство

Верхория находилась выше по течению и управляла основными затворами. Это давало ей географическое преимущество: воду можно было задержать, а соседям оставалось лишь наблюдать за изменением уровня. Но сила не исчерпывалась географией.

У Верхории были лучшие гидрологические данные и специалисты, обслуживавшие новое водохранилище. У Срединной Республики — крупный рынок и возможность замедлить торговые проекты, от которых зависела верховьевская энергетика. Нижняя Дельта пользовалась поддержкой нескольких международных банков и имела более сильные научные связи с исследовательскими центрами, которые могли независимо оценивать состояние реки.

У каждой стороны был и другой ресурс: время. Верхория могла продолжать строительство, пока переговоры тянулись; Срединная Республика опасалась, что затягивание приведёт к пропуску посевного сезона; Нижняя Дельта знала, что экологический ущерб будет накапливаться медленно, но его последствия трудно обратить вспять.

Даже возможность уйти из переговоров становилась источником влияния. Делегация, у которой есть приемлемый запасной вариант, может позволить себе отвергнуть соглашение. Но «выйти» не всегда значит победить: остаться без договорённости может быть дороже, особенно если по реке завязаны энергосистема, сельское хозяйство и отношения соседей.

Уважительная карта силы нужна не для того, чтобы подсчитать, кто сильнее. Она помогает увидеть, кому соглашение обходится дороже, кто контролирует информацию, кто способен переждать кризис, а кто не может. Без этого легко принять формально равный договор за справедливый — или назвать любой неравный результат неизбежным.

Карта переговоров

Советник предложил свести обсуждение в таблицу. Не как приговор участникам, а как рабочую карту: её можно уточнять, оспаривать и дополнять.

Участник

Публичная позиция

Основные интересы

Ресурсы влияния

Ограничения и минимальный результат

Возможные гарантии

Верхория

Не принимать обязательные фиксированные квоты

Энергетическая безопасность, защита от засухи и паводков, контроль над инфраструктурой

Верхнее течение, затворы, гидрологические данные, возможность отложить сбросы

Не допустить требования открыть воду при любом дефиците

Заранее согласованные правила для засухи; право на экстренное отклонение при проверяемых условиях

Срединная Республика

Гарантировать минимальный сток

Вода в ключевые недели посевного сезона, предсказуемость для фермеров и энергетики

Большой рынок, торговые связи, альтернативные энергетические проекты

Не оставаться без воды в критический период

Сезонный график, уведомление о сбросах, участие в измерениях

Нижняя Дельта

Закрепить график сбросов и экологические требования

Питьевая вода, рыболовство, сохранение дельтовых земель

Научные данные, международное финансирование, внимание общественности

Не допустить необратимого экологического ущерба

Независимая оценка, минимальный экологический сток, механизм обжалования

Общины и хозяйства бассейна

Часто не имеют прямого места за столом

Доступ к воде, защита средств к существованию, своевременная информация

Местные данные, общественная легитимность, практический опыт

Не оказаться перед свершившимся фактом

Публичная отчётность, консультации, канал для жалоб и компенсаций

В таблице есть риск: превратить сложных людей в аккуратные строки. Поэтому карту следует считать гипотезой, а не диагнозом. Интерес нужно проверять вопросами: «Что именно произойдёт, если этого условия не будет?», «Кто почувствует последствия первым?», «Что вы должны будете объяснить у себя дома?» Иногда официальная позиция отражает не только государственную стратегию, но и конкуренцию ведомств, предвыборное обещание или страх потерять лицо.

Здесь особенно важна роль внутренней аудитории. Представитель государства договаривается не только с коллегами напротив. Он мысленно слышит парламент, фермерские объединения, министерство финансов, журналистов и людей, которые завтра увидят заголовок «Правительство уступило реку». Если предложить ему соглашение, которое невозможно защитить дома, он может отвергнуть его, даже если понимает его практическую пользу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.